

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, выступая на ежегодном Епархиальном собрании духовенства города Москвы в декабре 2020 года, назвал в числе актуальных для внутрицерковного обсуждения тему воспитания детей в семье священника.

*Предлагаем вниманию читателей главу из книги «Заметки о пастырском служении» нашего постоянного автора – протоиерея **Константина Островского**, настоятеля Успенского храма г. Красногорска Московской области, духовника Московской (областной) епархии*

О нецерковном поведении церковных детей

Житейское море

Всякому ребенку, в том числе из благочестивой церковной семьи, рано или поздно приходится соприкоснуться с житейским морем. Море это обязательно нужно переплыть, поэтому нельзя ребенка совершенно оградить от него. Но что делать, чтобы маленький человек не захлебнулся, не потонул в этой мутной пучине?

Чтобы ребенку помочь, нужно быть с ним рядом. Мало записать его в какие-то кружки и секции, пусть даже православные и самые престижные. Дети нуждаются в общении с родителями – близком, глубоком, серьезном. Но нам все не хватает времени по благословным, а зачастую и неблагословным причинам. Это не ко всем, конечно, относится, ведь, сколько семей – столько и ситуаций.

Почему они уходят?

Довольно обычным явлением в современной церковной жизни стало то, что даже в благополучных церковных, в том числе священнических семьях бывают трудности с нравственностью и религиозностью детей. И шоком для многих становится, когда дети из благочестивых семей ослабевают в церковности, даже перестают посещать храм. Почему так случается? Причин, конечно, много, но попробуем выделить главные.

Во-первых, пока ребенок маленький, он естественно подражает родителям: папа – в церковь, и ребенок – в церковь; папа молится – и он молится;

**Протоиерей Константин Островский и сыновья:
епископ Зарайский Константин, священники Иоанн и Павел; Василий.**

папа причащается – и ребенок причащается. Но это – детская религиозность, она проходит с наступлением переходного возраста, и тогда человек должен сам сделать выбор. Заставить его выбрать истинный Путь, то есть Христа, невозможно, но важно на Него указать и при этом не мешать своим давлением или дурным примером. Тут без проблем порой не обходится.

Во-вторых, в мире сейчас гораздо больше соблазнов, чем в прошлые века, и они несравненно сильнее действуют на душу ребенка, даже если он родился в церковной семье и получает благочестивое воспитание. С переходным возрастом у подростков это действие усугубляется, подчревные пары ударяют в голову, и устоять против этого воскипания очень сложно. Поэтому подавляющее большинство мальчиков и девочек в переходном возрасте «заносит», многие совершают какие-то недостойные поступки.

Более-менее гладко – не совсем без искушений и падений, но без серьезных – это проходит у единиц. Остальные делают штрафные круги. Как в биатлоне – если стреляешь мимо цели, делаешь штрафной круг.

Святитель Феофан Затворник в книге «Путь ко спасению» писал, что во время переходного возраста бороться со своими страстями может только тот, кто еще до его наступления определил себя христианином: почувствовал призвание Божие и откликнулся на него. А остальные соблазняются и, так или иначе, падают.

Как писал святитель Димитрий Ростовский, мир обещает злато, а дает бла-то (т. е. болото). Но очень многие, нахлебавшись этого, потом все-таки возвращаются в Церковь.

Конечно, родителям тяжело видеть грехопадения детей. Мы хотим, чтобы все было благообразно. Но пока человек ищет свой путь, благообразно, как правило, не получается.

В-третьих, очень плохо действует на детей лицемерие родителей. Принципиально важно не лгать своей жизнью. Дети – они же все видят, дома от них не спрячешься за напускным благочестием, дома все немощи вылезают наружу. Если дети видят, что папа и мама в церкви пристойно крестятся, к иконам прикладываются, папа, если иерей, у престола стоит, а дома родители только ругаются, всех осуждают – в общем, недостойно ведут себя, то у них не будет доверия и уважения ни к родителям, ни к их назиданиям, а заодно подорвется и доверие к Церкви.

И мало соблюдать внешнее благочестие. Если хотим церковно воспитывать детей, нужно самим быть церковными людьми и не только обычаи соблюдать, но действительно идти путем Христовым. Если родители внешне ведут себя благочестиво, но к внимательной, сердечной молитве, к очищению своего сердца от страстей не стремятся, то это или детей сделает такими же поверхностными христианами, или может их соблазнить. Они вырастут и скажут родителям: «Мы не хотим ваших пустых обрядов».

Еще в большей степени все это относится к священникам. Если близкие видят, что отец в церкви пристойно служит и благостно общается с прихожанами, а дома убивает время в интернете или перед телевизором, то вскоре и жена, и дети перестают его уважать. Но несравненно хуже, когда священник на людях изображает благочестие и учит прихожан нравственности и религиозности, а вдали от опасных для него глаз пьянствует или впадает в еще более тяжкие грехи.

В-четвертых, не только лицемерие страшно, но опасно и чрезмерное давление со стороны даже искренне и глубоко благочестивых родителей. Знал одну такую семью. Отец – это было еще при коммунизме – состоял в партии, работал начальником цеха на заводе, а потом уверовал во Христа, все бросил и стал простым кузнецом. Мать, интеллигентная женщина, тоже горячо уверовала. Причем, характеры у обоих были очень мощные, и оба считали полезным жестко требовать от детей исполнения церковных правил. Физически, кажется, не наказывали.

Вроде бы все хорошо: ходят в храм, старший сын всегда с молитвенником, на клиросе поет – старушки отроком восторгаются, родителям кажется, что все идет, как надо.

Первым ударом для них стало совершенно неожиданное и внешне ничем не мотивированное вступление 15-летнего сына в комсомол. А в 18 лет он им заявил: «Я сам буду искать Бога и, конечно, не в Церкви». И как только он Его не искал: в последние годы своих исканий даже переехал в Америку и принял там иудаизм! А лет в 25 покаялся и вернулся в Православие. Думаю, что такой буйный разворот был связан не только с его характером, но и с ошибками родителей.

С другой стороны, если верующие люди считают, что ребенку надо дать все, что он хочет, пусть он сам выберет, пусть сам попробует – получится еще хуже.

Давление полезно (если дети его выдерживают) во многих областях жизни; борьба с непослушанием, с ленью – даже если ведется слишком строго – особенно ребенку не повредят. Но в области отношений с Богом заставлять опасно. Естественно, маленьких детей носят или водят в церковь, но под-ростка, если он не хочет идти на службу, вставать на молитвенное правило или слушать Священное Писание, уже принуждать нельзя.

Впрочем, духовная жизнь зачастую парадоксальна и может складываться очень по-разному при, казалось бы, одинаковых обстоятельствах. Так, по-нуждение в духовной области сплошь и рядом приводит к восстанию против родителей и Церкви, а с другой стороны, стояние в храме может, наоборот, расположить душу к искренней молитве.

Такие парадоксы не случайны: когда нам кажется, что мы делаем все очень хорошо, что ведем детей в Царствие Небесное, то Господь может и показать нам, что мы по гордости заблуждаемся. А наши ошибки по немощи Он может и безболезненно исправить.

Нужно заниматься с детьми, всячески стараться, чтобы у родителей с детьми были общие дела (в крайнем случае – забавы, но лучше – дела). Это и само по себе ценно, и духовные истины несравненно успешнее передаются в естественном общении, чем в нарочитом: «Сын, давай поговорим с тобой о заповедях Божиих». Вообще, от моральных назиданий мало проку. Вспомним себя в детстве, как мы в душе реагировали на эти назидания? В самом лучшем случае, когда поучала любимая мама или уважаемая учительница, думали: «Ой, да надоело уже...» А если не «любимая и уважаемая», то: «Когда же она заткнется!».

Родителям надо не только любить детей, но и проявлять любовь, чтобы дети ее чувствовали. А то я знал одного папу, который сына своего любил, но считал, что детей нельзя хвалить, а только ругать. Это пагубно сказалось на характере молодого человека.

Кстати, о похвалах: ведь они наряду с укорами необходимы в качестве оценок для выработки у детей нравственного и эстетического чувства. Но, конечно, нужно стараться, чтобы тщеславие развивалось поменьше. Можно, например, сказать сыну: «Ты добрее всех мальчиков во дворе», а можно сказать: «Я очень благодарен тебе за помощь». Чувствуется разница?

Знаки любви необходимы: по волосам потрепать, за плечо обнять, ласково назвать. Всего-то несколько секунд займет, а дети чувствуют и знают, что они любимы. Это важнейший момент в церковном воспитании.

Вообще, юмор, добродушие, готовность уступать в маловажном очень помогают в семейной жизни. Бороться нужно за правду Божию, а не за свои права. Отца должны заботить общие устои семьи, и он должен, насколько возможно, их отстаивать, а к немощам нужно быть снисходительным. Ну, при-

готовила жена невкусный суп... Умный муж все равно похвалит и поблагодарит, потому что долг хозяйки — приготовить обед, а вкусно-невкусно – отец выше этого. Когда мы в семейной жизни цепляемся к пустякам и боремся с домашними за свои удобства, нас не будут воспринимать всерьез и тогда, когда возникнет настоящая проблема. А если отец семейства великодушен, то все знают: раз уж папа настаивает, значит, дело важное и надо слушаться.

Родительская любовь и ласка должны сочетаться со строгостью. «Чти отца твоего и мать твою», – такая же заповедь Божия, как и заповеди о любви.

Как бы дети себя ни вели, родители должны до последней возможности стараться не терять с ними контакт. А он зачастую пропадает при наступлении переходного возраста. Как обыкновенно бывает? Ребенок ласковый, послушный, все маме и папе рассказывает – они думают, что так будет всегда. Вдруг, как будто ни с того, ни с сего у дитяти появляются грубость, непослушание. Родители сначала пытаются спросить, в чем дело; в ответ чадо огрызается. Тогда и чадо в ответ получает ругань, а то и побои. И если родители вовремя не опомнятся, то могут совсем испортить отношения с сыном или дочерью и это в то самое время, когда общение для них особенно полезно. А если нет общения, то нет и никакой возможности положительно воздействовать на детей.

Если же рядом есть любимый и любящий, уважаемый взрослый, с которым установились глубокие, доверительные отношения, то подростку, даже если страсти вынесут его за пределы Церкви и он впадет в тяжкие грехи, потом, когда он опомнится, будет куда вернуться. Поэтому так важен контакт, едва ли не любой ценой.

Общего совета, как избежать ухода детей из Церкви, быть не может: родители сами должны чувствовать своих детей, замечать, что происходит с ними и вокруг них, и понимать, что кроме родительского усилия есть еще и свободная воля человека, и промысл Божий. Мария Египетская, например, страшно грешила на протяжении 17 лет. А потом принесла покаяние и стала величайшей святой. Но до 29 лет ее никто не мог остановить, пока сам Господь не призвал грешницу к покаянию.

«Кто же может спастись?» – спросили Христа ученики, и Он им ответил: «Человекам это невозможно, Богу же все возможно» (Мф.19, 26). Это, однако, не значит, что мы должны опустить руки и что на нас не лежит никакой ответственности.

Родители виноваты, когда не занимаются детьми – бросают их на бабушек, на кружки и секции или, как часто происходит в наше время, просто суют им в руки планшет, чтобы, с одной стороны, не надо было беспокоиться, где ребенок, а с другой, он не мешал им заниматься своими делами. А если отец и мать стараются воспитывать детей, в этом их заслуга. И когда родители верующие, дома есть какой-то церковный уклад, дети к нему приобщаются, это помогает им стать церковными людьми. Помогает, но не гарантирует.

Когда коснется человеческого сердца призывающая благодать, знает только Господь. Решающее значение, повторюсь, имеют произволение человека и промысл Божий.

У подростка проблема с верой

Если у подростка проблемы именно с верой, не с нравственностью (блудные грехи, воровство, пьянство), а с верой в Бога, то уговаривать или – еще хуже – заставлять его ходить в храм, тем более причащаться ни в коем случае нельзя.

Мне не раз приходилось сталкиваться с такими проблемами во время исповеди, и я обычно подростку прямо говорю: «Ты прав, что не хочешь причащаться, раз не веришь в Бога. И, если разрешишь, могу папе и маме то же самое сказать». Если разрешает, говорю, не разрешает – не говорю, но до причастия ни в каком случае не допускаю.

Был случай, с одним папой поспорили. Приходит на исповедь девочка лет двенадцати, говорит все вроде грамотно, видно, девочка церковная, а в конце беседы выясняется, что она не верит во Христа. Живет она с мамой, к папе приезжает на выходные. Папа церковный; похоже, что он маму бросил из-за ее нецерковности. Я ему говорю: «Нельзя девочке причащаться, потому что она во Христа не верит». Он: «Как же так? Мы ведь с ней правило прочитали». Объясняю, что нельзя причащать насильно. Не убедил, он ушел рассерженный.

Но это не только его ошибка. Всем родителям хочется, чтобы у детей все было правильно, тогда душа спокойна. Но ведь внешняя благопристойность совсем не гарантирует, что и внутренне человек – с Богом. В иных случаях честный богоборческий протест (как у Савла, потом ставшего апостолом Павлом) ближе к богообщению, чем теплохладность.

Парадоксы духовного воспитания

Как ни парадоксально, но чрезмерная родительская ревность, вроде бы не по разуму, иногда приносит добрые плоды. Не причащение неверующих конечно, но требования соблюдать какие-то домашние устои бывают полезными, воспитывают волю. Хотя длинные молитвенные правила, выстаивание служб детям часто не нравятся и могут даже отталкивать их от церковного быта, сама молитва действует положительно и может давать благие плоды. Только рассчитывать на это нельзя.

В «Откровенных рассказах странника» повествуется, как один барин заинтересовался Иисусовой молитвой и посадил крепостного мальчика ее читать. Мальчик был шаловливый, но барин пригрозил ему розгами, и он со страху сидел и по указанию барина читал молитву вслух. Дочитался до великой меры святости. Конечно, это не метод, но способов доводить до святости вообще нет. Мы стараемся иногда разумно, иногда неразумно, а ведет человека Бог.

Возвращение домой

Когда мы говорим о том, что человек уходит из Церкви, приходит в Церковь, возвращается в Церковь – очень важно разделять: человек приходит в наш церковный быт или человек приходит ко Христу. Это связанные между собой, но разные вещи.

Первый премьер-министр Израиля Давид Бен Гурион, однажды, сказал: «Я не хожу в синагогу, но синагога, в которую я не хожу, — ортодоксальная». Так же русский человек не ходит в православную церковь, галичанин не ходит в униатскую, татарин не ходит в мечеть. То есть разница между церковью и мечетью, конечно, великая, но вот суть прихода туда и туда часто одна и та же. То есть, человек приходит к вере отцов, идет в место, куда ходили его мама и папа и, может быть, его маленького водили. Он приобщается к некоей религиозности. Везде есть свои обряды — отмечаются важные события жизни: рождение ребенка, бракосочетание, смерть... У каждого человека есть какая-то религиозная потребность. Она может удовлетворяться в разных местах и разными способами.

В этом смысле Церковь, как Тело Христово, отнюдь не сводится к религиозности. Церковь бесконечно больше ее. Христос пострадал, умер и воскрес не для того, чтобы мы только приобщались к церковным обычаям и успокаивали свои души благочестивыми обрядами, а для того, чтобы мы в единении с Ним обретали вечное спасение. Но, если мы только на словах просим Святого Духа: «Царю Небесный, приди и вселися в ны», а на деле не стремимся обрести Его, то Христос нам кажется далеким и абстрактным, зато просфорка и свечка всегда под рукой.

Дети из церковных семей, в отличие от остальных, в большинстве своем в той или иной мере рано приобщаются к церковным обычаям и даже нравственности. В переходном возрасте многие отвергают нравственность, потому что грех манит сильнее, чем навязанное папой и воскресной школой «не прелюбодействуй» и «не упивайтесь вином»; отвергают зачастую и обычаи, потому что они уже ничему не соответствуют в сердце. Но многие из этих «детей из церковных семей» позже, перебесившись, возвращаются и к обычаям, и даже к нравственности, потому что так все же легче на душе. Это что касается религиозности.

Обращение ко Христу

А что касается спасительной веры во Христа, то тут необходимо особое Божье призвание и отклик на него. Бог, конечно, всех людей призывает к Себе, но беда в том, что мы не просто живем по своим страстям, а пребываем в греховном сне, от которого пробудить человека может только особое действие Божьей благодати.

Об этом подробно пишет святитель Феофан Затворник в книге «Путь ко спасению»: «Пробуждение грешника есть такое действие благодати Божией в сердце его, вследствие которого он, как от сна пробужденный, видит свою

греховность, чувствует опасность своего положения, начинает страшиться за себя и заботиться о том, как бы избавиться от своей беды и спастись. Прежде он был в отношении к спасению слеп, нечувствен и беспечен; теперь и видит, и чувствует, и заботится. Но это еще не изменение, а только возможность изменения и призвание к тому».

Такое благодатное пробуждение может произойти и в юности, и в старости, и с человеком, церковным с детства, и с вовсе не знавшим о Боге, и даже с врагом Христовым (вспомним апостола Павла). Тут происхождение и, вообще, внешние обстоятельства не имеют значения, имеет значение свободный отклик человека на призвание Божие. Как сказано в Евангелии: «Много званых, но мало избранных» (Лк. 14, 24).

Однако все это: и греховный сон, и благодатный Божий призыв, и отклик, и потом падения и восстания – происходит в сердцах людей. Снаружи оно не очень видно, а глубина сердечная – совсем непостижима, потому и заповедует Господь: «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены» (Лк. 6, 37).

Что же могут верующие родители?

Получается, все внешнее суетно, а призывает на духовный путь сам Господь, когда и кого Сам же изберет. Значит, ничего не поделаешь, остается смиренно сложить руки? Но это вовсе не так! Смирение состоит не в своевольном бездействии, а в том, чтобы принимать волю Божию и творить волю Божию.

Ясно, что есть благая Божья воля на то, чтобы родители любили своих детей и давали им чувствовать свою любовь, чтобы заботились об их телесном и душевном здоровье. Чтобы приобщали детей к церковным таинствам и к добрым церковным обычаям, учили их молитве и заповедям Божиим, старались всеми силами оградить от греха. И при этом нужно знать, что труды – наши, а плоды наших трудов – от Бога.

Молиться о своих детях – естественное даже не дело, а состояние души отца и матери, если они – христиане. Речь идет далеко не только о молитвословиях. Важно желание родителей – выраженное или не выраженное в словах – самим быть в Царствии Небесном и чтобы дети были с ними в Царствии Небесном. Бог слышит это желание и с любовью откликается.

Опыт добра

Чтобы внутренне противиться злу, человеку нужно, во-первых, иметь опыт добра и, во-вторых, стать в своем сердце на сторону добра. Это «стать в сердце на сторону добра», конечно, самое главное, но определяется, в первую очередь, свободным личным выбором. А вот опыт добра человек может получить извне: от учителей, знакомых, через произведения литературы, искусства. И, конечно, на первом месте здесь должна быть семья.

Когда ребенок видит взаимную любовь родителей и их нелицемерное благочестие, когда сам ощущает родительскую любовь, когда чувствует ис-

креннее и серьезное внимание родителей к его (ребенка) делам и к его душевной и духовной жизни, когда сам принимает посильное участие в семейных делах – это имеет огромное значение в будущем столкновении его со злом во внешнем мире.

Хотя, конечно, и при самом лучшем воспитании от заблуждений застраховаться невозможно, но стараться, насколько это от нас зависит, дать своим детям опыт добра – наш родительский долг. Остальное уже определится промыслом Божиим и свободной волей самих детей.

Переходный возраст

Переходный возраст нужен для того, чтобы человек перешел из детского состояния во взрослое. Поэтому он должен быть радостным и желанным для всех: и детей, и взрослых. Никто ведь из родителей сознательно не хочет, чтобы их сын или дочь навсегда остались маленькими. Впрочем, к сожалению, многие неосознанно как раз этого и хотят, и такое желание бывает очень вредно для ребенка.

Почему естественный период взросления зачастую проходит так трудно, почему дети начинают дерзить родителям, не слушают даже очевидно разумных советов, если они исходят от папы и мамы, хотя к чужим людям часто оказываются, наоборот, чрезмерно доверчивы? Спрашивается: зачем так устроил Господь? Но так устроил вовсе не Господь, а мы сами так устраиваем. Каким образом? В полноте не берусь описать, но укажу на некоторые моменты.

В одной статье о воспитании детей в семьях русских крестьян XIX века я прочитал, что крестьянские дети очень рано становились взрослыми, то есть способными к самостоятельной жизни. Подросток в 15 лет уже мог в случае необходимости быть хозяином в доме, а девочка и еще раньше, в 12 лет, – хозяйкой. А ведь надо учесть, что крестьянское хозяйство было не только очень трудоемким, но и сложным: требовало многих знаний и навыков.

Не стоит идеализировать простонародье: в те времена, как и теперь, грехи у людей во всех слоях общества бывали всякие. Но вспомните – в русской классической литературе мы не находим даже упоминания о конфликтах переходного возраста в семьях крестьян. Подростки выросли душевно раньше, чем созревали физически, сейчас так бывает очень редко.

Одной из главных причин столь успешного воспитания следует признать то, что в тех семьях взрослые, дети, старики – все жили единой жизнью, и каждый делал, что мог. Пять лет – возьми прутик и паси гусей. Стал постарше – тоже трудись по силам. Вырос – берись за тяжелую мужскую работу. Дети видели, что родители сильнее их, лучше разбираются во всех общих для них делах. Отсюда возникало естественное уважение к родителям и вообще старшим. И работали, и отдыхали, и ели, и молились – жили вместе.

И сейчас, если дети могут жить общей жизнью с родителями, это идет им на пользу. Но сегодня в огромном большинстве даже благополучных семей дети

почти все свое время проводят отдельно от родителей. Их не связывают общие дела. В лучшем случае бывают общие развлечения, а нужны как раз общие дела.

Если мальчик работает вместе с отцом, он видит реальное превосходство отца и естественно исполняется к нему уважением. Если девочка вместе с матерью занимается домашним хозяйством – то же самое, она видит силу и умение матери, подражает ей и естественно уважает и слушается ее. Реально вровень с родителями эти мальчик и девочка станут, только когда вырастут совсем взрослыми, а не в переходном возрасте.

Современный же ребенок до какого-то времени воспринимает родителей почти без критики, а потом по мере развития ума (годам к 10–12, иногда раньше) замечает, что в самом, как ему кажется, главном родителей догнал, а то и перегнал. Ведь типичный современный человек – это человек-потребитель, а потреблять дети способны ничуть не хуже, чем взрослые. А поскольку принятый подавляющим большинством людей жизненный идеал – это иметь побольше житейских благ при наименьших усилиях, то как раз способность родителей прикладывать усилия (то есть способность к трудовой и творческой деятельности) перестала считаться достоинством, а воспринимается многими детьми почти как недоразвитость родителей.

Кроме того, в переходном возрасте человека начинают особенно волновать важнейшие жизненные вопросы: о смысле жизни, о любви, о выборе жизненного пути, а родители сплошь и рядом не могут помочь ребенку их разрешить. И не по простоте своей – это бы не беда – а потому что родители эти вопросы не разрешили для самих себя (а то и не считают их важными).

При этом зачастую родители требуют от подростка выполнения каких-то моральных норм, а обосновать их не могут. Требуют выполнения правил, а сами их все время нарушают. Внушают сыну или дочери принципы, по которым сами не живут. О вредном влиянии на детей родительского лицемерия уже было сказано.

Ребята, которые осознали себя христианами до наступления переходного возраста, могут и удержаться – с Божией помощью – от соблазнов (гарантии, конечно, нет). Для большинства же характерны конфликты с родителями, готовность к блуду (далеко не все доходят до дела, но не из страха Божьего и не из любви к чистоте, а потому что не удается), отступление от веры. Захватывают страсти.

То, к чему тянет молодых, представляется им очень сладким, да еще и оправдывается миром. Поэтому большинство даже верующих подростков в той или иной мере соблазняются. Но многие возвращаются, нахлебавшись греховной мути и познав на собственном опыте правоту родительских увещаний.

Запрещать или не запрещать, если подростки тянутся к дурному?

Великий педагог Януш Корчак в книге «Как любить детей» писал: «Я не знаю и не могу знать, как неизвестные мне родители могут в неизвестных мне условиях воспитывать неизвестного мне ребенка». И еще: «Велеть кому-нибудь

дать тебе готовые мысли – это поручить другой женщине родить твое дитя».

Очевидный долг родителей – насколько позволяют обстоятельства, быть вместе ребенком, общаться с ним, чувствовать его. Ради этого можно, а зачастую и должно многим пожертвовать (например, матери отказаться от престижной работы). Когда глубокое душевное и духовное, сердечное общение есть, то ответы на трудные вопросы будут рождаться из глубины сердца родителей и будут проникать в глубину сердца детей. Эти ответы должны быть плодом молитвы, плодом нашего желания духовной пользы ребенку. В полной мере это, конечно, встречается редко, но стремиться мы к этому можем.

Родительские запреты сами по себе не защищают детей от нравственных падений, могут разве что замедлить процесс, превратить его в сползание. Но и в этом бывает свой смысл.

Однако, главное в том, что эти судорожные попытки верующих родителей и педагогов удержать и оградить подростков от зла – проявление не только немощи, но и любви, сердечного болезнования о детях. Это, можно сказать, молитва в такой форме.

Надо, чтобы бог пробился

Нам иногда хочется ускорить исправление наших детей, хочется как-то пробиться к их сердцам. Но на самом деле надо, чтобы не мы, а Бог пробился. В статье отца Евгения Попиченко я вычитал замечательную мысль, что «больше нужно говорить с Богом о детях, чем с детьми о Боге».

Святитель Филарет Московский писал, что в закрытую дверь человеческого сердца нельзя пытаться войти с советом, а можно только тихо и терпеливо стучать молитвой. Как, добавим, и Сам Господь действует: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3, 20). Впрочем, Бог и через наши нелепые поступки может совершать чудеса.